

ГЛАВА 1. СТРАННАЯ КАРТИНА (ЧАСТЬ 1)

На горе Чуншань стоят два храма, и паломников там вечно больше, чем у алтарей богов богатства или любви. На юге возвышается Храм У-ди Юга, на севере — Храм Хунъе Севера. Хочешь денег или чинов — кланяйся У-ди, ищешь семейного счастья да крепкого здоровья — ступай к Хунъе.

А началось всё три года назад. Первый мастер Поднебесной, глава Люфэн-гэ Цзян Ехун, бросил вызов владыке Мяоцзяна, У-ди У Чаннину. Порешили сойтись на вершине Чуншань в девятый день девятой луны, чтобы раз и навсегда выяснить, кто из них сильнее. Но судьба — дама с изрядным чувством юмора: накануне поединка Цзян Ехун возьми да и подавись грецким орехом. Насмерть. Самое же диковинное случилось следом — не успело тело мастера остыть, как У Чаннин, мирно любовавшийся луной на крыше своего дома, поймал макушкой молнию и тоже отправился к праотцам. И часа не прошло между их кончинами — ну не чудеса ли?

Пока народ сокрушался о безвременно ушедших героях, какой-то шутник (имени его история не сохранила) предложил похоронить обоих на вершине той самой горы. Мол, не довелось скрестить клинки при жизни — пусть станут соседями после смерти, славная выйдет легенда. Люди посудили-порядили и решили: «А что, дело говоришь!» Удивительно, но даже соплеменники шамана из Мяоцзяна не стали возражать.

Со временем пошёл слух, будто молитва на их могилах приносит удачу. Паломники повалили толпами, а там и неведомый благодетель раскошелился на храмы. Правда, селить покойных соперников под одной крышей сочли неуместным, вот и выросли две святыни: Храм У-ди Юга и Храм Хунъе Севера.

В середине сентября зарядил первый осенний ливень. Небо разверзлось, превращая дороги в месиво: ступишь неосторожно — и сапог наполовину уйдет в жижу. Холод пробирал до костей, ледяные струи пропитывали одежду насквозь. Под монотонный рокот дождя Цзян Ехун медленно открыл глаза. Половина лица утопала в холодной грязи, а в глаза летели брызги, перемешанные с кровью и песком. Сквозь пелену ничего не было видно. Спину жгло невыносимой болью.

Выкарабкавшись из кровавой лужи под хлещущими потоками воды, Ехун смахнул капли с лица и, преодолевая муку, поднялся. В небе полыхнуло, ударил гром. Двинув ногой, он наткнулся на что-то мягкое. Человек. Мертвец. Из-под тела, размываемая дождём, растекалась багровая река. Вспышка молнии осветила одежду убитого — стражник, сомневаться не приходилось. Оглядевшись, Ехун заметил ещё пятерых — все лежали неподвижно.

Мысли путались, но постепенно прояснялись. Он ведь ждал поединка с У Чаннином... Как он здесь очутился? Откуда эти трупы? Последнее, что сохранило сознание — его маленький ученик Цзянь Ин вносит поднос с орехами. А дальше... пустота.

Снова громынуло, сотрясая землю. Ехун с трудом вытащил нож, застрявший в лопатке, и тут до него донёсся плеск шагов. Целый отряд стражников в форменных одеждах мчался к нему

сквозь стену ливня.

— Глава Чу! Глава Чу! Глава, вы живы?!

«Глава Чу? Это они мне?» — Ехун замер в оцепенении, глядя на бушующее ночное небо. Гром гремел, дождь не утихал. Где он, чёрт возьми, находится?

Десять дней назад на Южной главной улице произошло дерзкое нападение на ловчего Люшаньмэнь — Чу Фэя. Все сопровождавшие его стражники полегли на месте. Сам Чу Фэй получил удар ножом в спину, но чудом выжил. Вот только, очнувшись, он словно стал другим человеком.

В Лянцзине лил уже третий сентябрьский дождь. Холод кусал за пятки, забирался под кожу. Цзян Ехун проснулся ни свет ни заря от истошного крика петуха. В ярости он принялся колотить кулаками по кровати. Последнюю декаду он только и делал, что надеялся: всё это лишь затянувшийся кошмар. Но нет, проклятая реальность была наотмашь. Оказывается, три года назад он действительно задохнулся несчастным орехом. Мало того, какой-то пройдоха похоронил его рядом с У Чаннином, которого он в глаза не видел, а теперь их и вовсе почитают за богов в храмах. «Какой мерзавец это придумал?!» — в отчаянии вопил Ехун.

Петух во дворе выдал очередную победную трель. Потеряв терпение, Ехун распахнул дверь и бросился ловить наглую птицу. Тварь пернатая, почувствовав неладное, изогнула шею и принялась яростно разгребать землю когтями, оставляя глубокие борозды.

— Ах ты, отродье! — Ехун засучил рукава. — Сегодня же общипаю и за жарю, чтоб не смел деду будить!

Петух, ничуть не испугавшись, пошёл в атаку.

— Глава Чу! — раздалось у ворот.

Птица взлетела, целясь клювом прямо в лицо Ехуну. Тот едва успел увернуться и припустил прочь.

— Да что за зверь такой?! Откуда в нём столько злобы?!

Петух преследовал его, норовя клюнуть побольнее. Ехун, три года назад носивший титул первого мастера Поднебесной, теперь в теле ловчего Чу Фэя позорно удирал от домашней птицы. Стыд и позор.

Чжао Чэнь, грузный стражник с зычным голосом, который было слышно на соседней улице, отогнал дебошира метлой. Петух, недовольно кудахтая, удалился, не забыв на прощание бросить на Ехуна испепеляющий взгляд.

— Глава Чу, беда стряслась! А вы тут кур гоняете! — проорал Чжао Чэнь.

Ехун, тяжело дыша, уселся на ступени и принялся выковыривать куриное перо из волос.

— Что ещё за беда? Небо на землю рухнуло?

— Почти! Богатейший человек столицы, Ли Фугуй, найден мертвым в комнате танцора из Ижэнь-гэ!

Ехун на миг замер, ковыряя в ухе.

— Ли Фугуй помер? Да ещё в спальне танцора? Танцора... мужчины, что ли?

— Именно так, господин. Мужчины.

Ехун закатил глаза, едва сдерживая брезгливое изумление. «Ну и нравы в этой вашей столице... У него же жён да наложниц целый гарем, на кой ему мужик?» Будучи выходцем из вольной и грубой среды, он никак не мог взять в толк забавы столичных вельмож.

— Сейчас переоденусь и пойдём. Жди здесь.

Главной проблемой Ехуна было то, что он банально не знал дороги. Чу Фэя величали лучшим ловцом империи, проницательным судьёй, которому сам император пожаловал золотой жетон. Но Ехун-то не был Чу Фэем! В расследованиях он смыслил как свинья в апельсинах. С тех пор как он очнулся, дела в Люшаньмэнь копились горой, а он только и думал, как бы вернуться в Люфэн-гэ. Но когда разузнал подробности, едва не взвыл: его школу Люфэн уничтожил пожар, оставив лишь обгорелые стены, а ученики разбежались кто куда. Сплошное невезение.

Вскоре они добрались до Ижэнь-гэ — знаменитого музыкального дома, где собирались только самые сливки общества.

— Бесстыжий лис! Это ты его соблазнил! — визг какой-то женщины резал слух. — Иначе с чего бы ему помирать в твоей конуре? Тварь продажная!

Ехун обернулся на шум. Дородная дама, вся увешанная золотом, нещадно хлестала юношу. Тот, в тонком зелёном одеянии, сжался у цитры, дрожа всем телом.

— Мерзавец! Оборотень! Ты сжил моего гуаньжэня со свету! — женщина вцепилась в его ворот, разрывая ткань. На виду оказалась ослепительно белая кожа. Ехун никогда не видел, чтобы у мужчины была такая фарфоровая бледность. Юноша прятал лицо за нитями жемчужной вуали, и только в его невероятно красивых, полных слёз глазах читалась невыносимая тоска. Казалось, он вот-вот разрыдается.

Ехун перехватил занесённую для удара руку женщины.

— Сударыня, умер Ли Фугуй или нет — решит коронер после вскрытия. К чему этот балаган?

— Господин Чу! Вы должны наказать этого негодяя! Это он, точно он погубил моего мужа! — запричитала вдова, заливаясь слезами. Танцор у цитры лишь виновато опустил веки.

— Люшаньмэнь разберётся, — отрезал Ехун, чувствуя, как от криков начинает болеть голова. — Не мешайте следствию. Лао Чжао, проводи госпожу Ли до дома.

Когда женщину увели, Ехун подошёл к сжавшемуся юноше. Выглядел тот жалко.

— Ты и есть А-Жо? — спросил он смягчившимся голосом.

Жун Жо, всё ещё дрожа, поправил одежду и со всем изяществом опустился на колени.

— А-Жо приветствует господина Чу. Прошу вас, господин, будьте милостивы... А-Жо не убивал почтенного Ли.

Голос его прерывался от рыданий. Танцор казался на удивление хрупким, а его талия была такой тонкой, что Ехун невольно подумал: «Понятно, почему вдова величала его лисом. Перед таким и впрямь трудно устоять».

— Рассказывай. Как он умер?

Жун Жо снял вуаль. Его лицо несло на себе печать чужеземной красоты — утончённое, лишённое пошлости, окутанное прохладной печалью. Ехун впервые поймал себя на мысли, что слово «прекрасный» вполне применимо к мужчине. Красные от слёз глаза юноши напоминали нежные лепестки после дождя.

— Господин Ли пришёл сегодня сильно подшофе. Едва переступив порог, он прицепился ко мне, требовал танца. Он старый гость «Ижэнь-гэ», отказывать ему не велено...

Он запнулся, сглатывая слёзы, и продолжил, стараясь сохранять достоинство:

— Но ему было мало общего зала. Он потащил меня сюда. Когда музыкант начал играть, я переоделся и только приготовился начать... господин Ли вдруг вскочил. Глаза его вылезли из орбит — зрелище было жуткое. А потом он просто рухнул замертво. Музыкант всё подтвердит. Моей вины тут нет, клянусь.

Тело Ли Фугуя уже унесли, но на полу багровело пятно. Лао Чжао успел шепнуть Ехуну, что смерть была пугающей: покойник истёк кровью из семи отверстий, а глаза его словно расплавились. Здоровый человек — и такой конец. Яд?

Ехун взъерошил волосы. В прошлой жизни он знал только два дела: тренироваться и сражаться. Вся эта детективная заумь вызывала у него зуд.

— Ладно, вставай. Мы во всём разберёмся, но пока следствие не закончено, тебе запрещено покидать заведение.

Жун Жо покорно кивнул.

— Господин может быть спокоен. Я принадлежу Ижэнь-гэ, мне некуда уходить.

Ехун коснулся пятна крови, поднёс пальцы к носу — никакого запаха. В ядах он смыслил не больше, чем в вышивании, но марку держать надо.

— Общую картину я понял, — изрёк он с самым деловым видом. — Если ты не виноват, власти тебя не тронут. Жди.

Танцор хотел что-то добавить, но промолчал, лишь склонил голову. Послушный, тихий, красивый... «Жаль только, что мужик», — в который раз вздохнул про себя Ехун.

Он поспешил вниз, но, выйдя на улицу, обнаружил, что стражники уже испарились. Куда теперь? Налево или направо? Память Чу Фэя в нём не проснулась, и каждый выход в город превращался в квест. Он пошёл налево — помнил, что там вроде была лавка с баоцзы. Пройдя полквартила и не встретив никакой лавки, он понял, что заблудился.

Чертыхнувшись, Ехун повернул назад. Проходя мимо Ижэнь-гэ, он задрал голову. В приоткрытом окне виднелся силуэт Жун Жо. Танцор, вновь надев вуаль, смотрел на улицу, окутанный ореолом тайны. «Красиво, чертяка... но всё равно мужик».

Ехун припустил в другую сторону. Нужно было скорее попасть в ямэнь и послушать, что скажет коронер. Смерть богатейшего человека столицы — дело громкое, тут парой общих фраз не отделаешься. Несмотря на всю неприязнь к нынешней роли, он понимал: если завалит дело, его самого по головке не погладят.

Пробежав изрядное расстояние, он так и не увидел баоцзы. Опять не туда? В бешенстве он

притопнул ногой. Пришлось наступить на горло собственной гордости и спрашивать дорогу. Выяснилось, что шёл он верно — просто вывеску лавки сдуло ветром.

«Воистину, если не везёт, то и в пустом переулке на кирпич напорешься», — угрюмо подумал он.

Едва он переступил порог ямэня, как следом за ним влетел префект Лянцзина, Лю Чэн. Человек он был неплохой, исполнительный, да только слишком уж поддавался чужому влиянию.

— Чу Фэй! — задыхаясь, крикнул он. — Ли Фугуй — фигура непростая! Сверху давят, требуют раскрыть всё в кратчайшие сроки! Я уже велел запереть подозреваемого в темницу!

<http://bllate.org/book/17428/1647277>